1149. 1907.

НАПРАСНАЯ ЖЕСТОКОСТЬ.

О томъ, нужно ли и выгодно ли для правительства дѣлать мучениковъ изъ людей, по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ не могущихъ участвовать въ военной службѣ?

Владиміра Черткова.

МУЗЕЙ * ПУБЛИЧ. БИБЛІОТ. ТЕКА

За послѣдніе годы у насъ въ Россіи по разнымъ тюрьмамъ, дисциплинар - нымъ батальонамъ и сумасшедшимъ домамъ постоянно содержится въ строгомъ заключеніи нѣкоторое количество людей, провинившихся передъ правитель - ствомъ въ томъ, что ихъ религіозныя убѣжденія запрещаютъ имъ всякое челов-вѣкоубійство, и что они поэтому не могутъ по совѣсти принимать участіе въ военной службѣ.

Явленіе это получаетъ два совершенно различныхъ освѣщенія, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія оно разсматривается.

Съ одной стороны дѣло представляется такъ: внутренній голосъ совѣсти запрещаетъ этимъ людямъ то, что государственный законъ считаетъ для нихъ обязательнымъ. Они ставятъ выше всего требованія своей совѣсти и повинуют-ся имъ. За это правительство причисляетъ этихъ людей къ разряду преступни-ковъ и безпощадно караетъ ихъ.

Съ другой стороны дѣло представляется совершенно иначе: существующій государственный порядокъ признается необходимымъ для блага страны; для по-рядка этого нужно, чтобы каждый подданный исполнялъ требованія государства; одно изъ такихъ требованій заключается во всеобщей воинской повинности; и потому для поддержанія государственнаго порядка, необходимо строго карать отказывающихся отъ нея.

Примирить эти двѣ діаметрально противоположныя точки зрѣнія нѣтъ, ра-зумѣется, никакой возможности. Но въ одномъ, казалось бы, сторонники обо - ихъ воззрядовъ могли бы согласиться, а именно въ томъ, что люди, отказыва-ющіеся по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ отъ военной службы и готовые за это терпѣть не только всякія неудобства и лишенія, но даже самыя мучитель-ныя страданія, во всякомъ случаѣ, правы ли они или заблуждаются, дѣйству - ютъ такъ единственно изъ желанія добра, проявляя при этомъ замѣчательную искренность, добросовѣстность и самоотверженіе; и что поэтому, если для какихъ либо цѣлей признано необходимымъ подвергать такихъ людей правитель-ственному преслѣдованію, то, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ обращаться съ ни-ми какъ можно мягче, налагая на нихъ наименьшую степень кары, достаточную для достиженія этихъ цѣлей.

Можно считать такихъ людей заблудшими, можно въ интересахъ государ - ственнаго порядка принимать противъ нихъ соотвѣтствующія мѣры; но даже съ правительственной точки зрѣнія, нѣтъ никакой надобности причислять ихъ къ разряду корыстныхъ злоумышленниковъ и подвергать болѣе тяжкимъ страданіямъ, нежели требуетъ безопасность государства.

На самомъ же дѣлѣ правительство, несмотря на постоянно повторяющіеся случаи подобныхъ отказовъ отъ военной службы, до сихъ поръ какъ бы вовсе и не допускаетъ возможности возникновенія въ человѣкѣ такихъ убѣжденій, при

которыхъ ему нельзя было бы по совѣсти участвовать въ военной службѣ . И отъ этого съ самаго перваго шага, отношеніе правительства къ такому человѣку становится крайне двусмысленнымъ и неяснымъ, предоставляющимъ мѣстнымъ властямъ необычайный произволъ и заставляющимъ ихъ обходить сущность дѣла вмѣсто того, чтобы, считаясь съ дѣйствительностью, смѣло смотрѣть правдѣ въ глаза.

Если разбойникъ, ради грабежа, убьетъ человѣка, то никто не считаетъ его сумасшедшимъ, поступокъ его не боятся предавать гласности и обращаются съ нимъ самимъ, какъ съ человѣкомъ, совершившимъ то самое, что онъ совершилъ. Но если кто откажется отъ всякаго убійства, а потому и отъ военной службы, то въ немъ тотчасъ предполагаютъ психическое разстройство и сажаютъ его на испытаніе въ домъ умалишенныхъ; судятъ его не по существу дѣла, не за первоначальный и основной его отказъ отъ военной службы,- но за каждый послѣдующій отдѣльный его отказъ отъ исполненія частныхъ требованій воинской дисциплины, подвергая его такимъ образомъ нескончаемому ряду наказаній; и при этомъ поступокъ его стараются тщательно скрыть отъ людей самымъ секретнымъ веденіемъ дѣла и всевозможными замалчиваніями и увертками.

Такіе пріемы со стороны правительства не только въ высшей степени несправедливы и жестоки, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нецѣлесообразны съ точки зрѣнія интересовъ самого же правительства, тѣмъ болѣе, что, въ настоящемъ по крайней мѣрѣ случаѣ, интересы правительства совпадаютъ съ наиболѣе гуманнымъ и справедливымъ образомъ дѣйствія.

Недавно умеръ молодой человѣкъ, по имени Евдокимъ Дрожжинъ, не могшій по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ участвовать въ военной службѣ. Несмотря на то, что онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отказался отъ поступленія въ солдаты, съ нимъ, вмѣсто того, чтобы карать его именно за этотъ отказъ , стали поступать такъ, какъ будто онъ вовсе и не отказывался. Въ теченіе болѣе двухъ лѣтъ, его подвергали непрерывному ряду угрозъ, требованій, испытаній и наказаній, имѣвшихъ цѣлью насильственно заставить его сдѣлать то, чего онъ по совѣсти сдѣлать не могъ. Его приговорили къ заключенію въ дисциплинарный батальонъ и здѣсь отъ него стали требовать исполненія военныхъ обязанностей въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, т. е. того самаго , чего онъ не могъ по совѣсти исполнять, и за отказъ отъ чего онъ уже несъ наказаніе. Несмотря на то, что онъ отказался отъ присяги и солдатства, съ нимъ обращались, какъ съ присягавшимъ солдатомъ. Онъ же по простой послѣдовательности продолжалъ отказываться отъ исполненія военныхъ обязанностей. Тогда его стали судить и наказывать опять и опять за всѣ его отдѣльные от-

казы отъ исполненія тѣхъ или другихъ требованій военной службы. Такимъ образомъ онъ былъ сначала приговоренъ къ двухлѣтнему заключенію въ дисциплинарномъ батальонѣ; четыре мѣсяца спустя онъ былъ приговоренъ къ продленію этого срока на 3 года и заключенію въ карцерѣ на 4 мѣсяца; черезъ 4-ре мѣсяца послѣ того, срокъ былъ продленъ еще на 3 года съ заключеніемъ въ карцерѣ на 4 мѣсяца; наконецъ мѣсяца черезъ два послѣ этого онъ былъ приговоренъ къ продленію срока заключенія еще на три года съ арестомъ въ карцерѣ на 4 мѣсяца. Такъ что срокъ его заключенія, вмѣсто первоначальныхъ двухъ лѣтъ, возросъ до II-ти и все продолжалъ бы возростать до безконечности, если бы болѣзнь и смерть не прекратили его мученической жизни. Не перечисляю здѣсь цѣлаго ряда болѣе мелкихъ наказаній, которымъ его подвергали; достаточно сказать, что за все время двухлѣтняго его пребыванія въ тюрьмѣ и батальонѣ онъ находился внѣ карцера не болѣе, какъ въ теченіе 50 сутокъ.

Какъ говорили мнѣ сами командиры батальона и роты его, Дрожжинъ не могъ бы физически вынести всего такимъ путемъ накопившагося срока своего заключенія; къ тому же по мѣстнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ извѣстно, что въ этомъ дисциплинарномъ батальонѣ уже на третій годъ содержанія въ карцерѣ большинство заболѣваетъ чахоткой. Такъ случилось и съ Дрожжинымъ. Вслѣдствіе небрежнаго и безчеловѣчнаго обращенія съ нимъ нѣкоторыхъ изъ его начальниковъ, онъ простудился, заболѣлъ грудью, и послѣ болѣе двухлѣтняго заключенія умеръ чахоткой.

Этотъ случай, представляющій лишь одинъ примѣръ того мученичества, которому въ настоящее время среди насъ подвергаются люди, религіозныя убѣжденія которыхъ не позволяютъ имъ участвовать въ военной службѣ, и долженъ, казалось бы, до глубины души возмутить всякаго, у кого душа не увѣла еще окончательно зачерствѣть. Не здѣсь я упомянулъ объ этомъ случаѣ не столько для того, чтобы обнаружить его жестокость, сколько для того, чтобы указать на всю невыгодность для интересовъ самого же правительства такого образа дѣйствія.

Живши въ сосѣдствѣ того дисциплинарнаго батальона, въ которомъ былъ заключенъ Дрожжинъ, и неоднократно посѣщавши его самого, я имѣлъ случай близко познакомиться съ общимъ настроеніемъ по отношенію къ этому дѣлу какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ батальона, которыхъ служебное ихъ положеніе вынуждало принимать участіе въ мученіяхъ этого человѣка. И я долженъ сказать, что всѣ симпатіи большинства были на сторонѣ Дрожжина. Офицеры, говоря о немъ, чувствовали неловкость. Они сознавали, что мѣсто такого человѣка во всякомъ случаѣ не въ в о е н н о м ъ тюремномъ учрежденіи, и не скрывали своего желанія, чтобъ его перевели въ гражданскую

тюрьму. Да и не могло быть иначе! Дрожжинъ служилъ для нихъ живымъ указаніемъ того крайняго предѣла отреченія отъ требованій своей совѣсти и своего разума, до котораго доводили ихъ такъ называемыя "обязанности службы", ибо они отлично сознавали невинность мучимаго ими человѣка и всю недостойность своей вынужденной роли его мучителей. Помню, съ какимъ жалкимъ чувствомъ душевнаго страданія и стыда одинъ изъ старшихъ офицеровъ батальона, съ которымъ я ближе, чѣмъ съ остальными, сошелся, и который, поэтому, былъ со мною откровеннѣе другихъ, - признавался мнѣ въ томъ, что, если бъ только онъ располагалъ лучшимъ образованіемъ, то, конечно, нашелъ бы для поддержанія себя и своей семьи какую нибудь другую дѣятельность, вмѣсто участія въ подобныхъ возмутительныхъ жестокостяхъ. О низшихъ чинахъ, товарищахъ Дрожжина по заключенію, и говорить нечего: провинившіеся въ различныхъ преступленіяхъ противъ воинской дисциплины, не имѣвшихъ ничего общаго съ христіанской любовью къ ближнему, они отлично понимали, что Дрожжинъ по чистотѣ своихъ стремленій представлялъ совершенное исключеніе среди нихъ, и тѣмъ съ большимъ уваженіемъ относились къ нему. Наиболѣе же чуткіе изъ его товарищей, прониклись къ нему горячей любовью, и нѣкоторые изъ нихъ въ большей или меньшей степени даже усвоили его убѣжденія. Мнѣ извѣстны нѣсколько примѣровъ людей, которые, отслуживъ свой срокъ, стали естественными распространителями въ разныхъ глухихъ уголкахъ Россіи тѣхъ идей, ради которыхъ страдалъ и умеръ ихъ товарищъ по заключенію.

Съ точки зрѣнія собственно пропаганды этихъ идей ничего, конечно, не можетъ быть желательнѣе того именно образа дѣйствія, который правительство примѣнило къ Дрожжину и продолжаетъ примѣнять во всѣхъ такихъ случаяхъ. Какъ тщательно ни запрятывай подобныхъ "преступниковъ" за стѣны военныхъ тюремъ и карцеровъ, существованіе ихъ неизбѣжно останется извѣстнымъ хотя бы только ихъ стражѣ и ея начальству, т. е. цѣлому кругу людей, въ которыхъ человѣческая душа никогда не бываетъ вполнѣ заглушена. А между тѣмъ каждый, въ комъ хоть чуть теплится искра человѣчности, не можетъ не испытывать самаго глубокаго состраданія къ человѣку, хотя бы и заблуждающемуся, но гибнущему единственно за вѣрность своей совѣсти. Всякое мученичество, хотя бы и изъ ошибочныхъ побужденій, въ наше время внушаетъ его свидѣтелямъ неотразимое уваженіе къ мужеству, стойкости и самоотверженію мученика и столь же неотразимое внутреннее осужденіе того начала, которое нуждается въ производствѣ подобныхъ мученій. Такимъ путемъ неизбѣжно, хотя снаружи часто и незамѣтно, подтачивается изнутри, въ самомъ корнѣ та именно преданность къ государственному началу, ради поддержанія которой и предпринимаются подобныя мѣры.

Съ своей стороны всецѣло раздѣляя убѣжденія людей, подобныхъ Дрожжину, я, однако, не могу радоваться такому способу совершаемой самимъ правительствомъ пропаганды этихъ убѣжденій. Глубоко вѣря въ неизбѣжное конечное

торжество началъ любви, единенія и мира между людьми, я думаю, что оно для своего утвержденія вовсе не нуждается въ мученичествѣ наилучшихъ служите - лей этихъ началъ. Напротивъ того, я увѣренъ, что подобныя преслѣдованія людей, какъ бы слишкомъ добрыхъ для своего времени, представляютъ лишь плоды временнаго недоразумѣнія, витекающаго изъ непониманія защитниками правительства своихъ истинныхъ интересовъ. Я вѣрю, что, по мѣрѣ дальнѣйшаго просвѣщенія человѣчества, недоразумѣніе это разъяснится мирнымъ путемъ. Кромѣ того, мнѣ жалко самихъ мучителей. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть ужаснѣе душевнаго состоянія тѣхъ людей, при которомъ они на столько отказались отъ всего, что есть лучшаго въ душѣ человѣческой, что могутъ преслѣдовать и мучить другихъ людей - братьевъ за то только, что эти братья ихъ хотятъ любить, а не убивать своихъ ближнихъ? И можно ли радоваться такому пути распространенія истины, хотя бы самой святой?

Мнѣ извѣстенъ другой случай молодого человѣка, по тѣмъ же религіозным убѣжденіямъ отказавшагося отъ поступленія на военную службу. Его посадили на испытаніе въ больницу для умалишенныхъ, гдѣ, несмотря на всякія угрозы и увѣщеванія, онъ оставался вѣренъ самому себѣ, всячески притомъ стараясь служить своимъ товарищамъ по заключенію и своей добротой и радостнымъ расположеніемъ духа внушая имъ живѣйшую любовь къ себѣ. Тщетно испытавъ надъ нимъ всевозможные способы воздѣйствія, правительственныя власти наконецъ измыслили наиболѣе жестокій изъ всѣхъ, оставшихся въ ихъ распоряженіи: они вызвали его старика - отца, котораго онъ давно не видалъ, напугали этого старика всякими угрозами по отношенію къ его сыну и, воспользовавшись минутою, когда послѣдній былъ особенно утомленъ непрерывнымъ рядомъ посѣщеній начальства для распросовъ и увѣщеваній, неожиданно впустили къ своему сыну запуганнаго и убитаго горемъ отца. Видъ старика - отца, его отчаяніе, слезы и мольбы такъ подѣйствовали на уже нервно измученнаго сына, что послѣдній согласился присягнуть. Вотъ что на слѣдующій день онъ писалъ своимъ друзьямъ:

"Почти сейчасъ все было готово.... Ничего не помню, кромѣ словъ: "единственному своему природному государю". Я сталъ думать, по какой природѣ? По тѣлесной - отецъ, по духовной - Богъ.... Пока я думалъ, присяга кончилась... Какъ это было отвратительно, подло, тяжело.... Послѣ ничего не помню, и сейчасъ я впадаю въ страшную тоску, что-то хочется оторвать и бросить. Говорятъ - я говорилъ чепуху. Очнулся я ночью въ 4 часа. Метался изъ угла въ уголъ, не вѣрилъ, что это случилось. Бранилъ всѣхъ и себя больше всѣхъ.... Я никогда не могъ понять, какимъ образомъ Христосъ можетъ наказывать слабыхъ людей, когда Его ученіе - ученіе любви; теперь понимаю:

Онъ не угрожаетъ геенной огненной, а предупреждаетъ о томъ, какъ плохо будетъ человѣку, не вѣрующему въ Него.... Какъ я былъ силенъ, свободенъ. По мѣрѣ увеличенія наказанія чувствовалъ все большую и большую радость. Я жилъ. Я только жалѣлъ людей, не понимающихъ меня. Жалѣлъ и любилъ. Если бы я умеръ въ это время, я умеръ бы счастливо и спокойно, потому что я былъ на своемъ мѣстѣ. Теперь я тоже умеръ, только гораздо хуже. Вотъ это настоящее самоубійство.... Теперь одно мое желаніе, это жить дольше отца, чтобы имѣть возможность вернуть свою свободу, свою совѣсть. Ненавижу эту подлую ложь...."

Не говоря о томъ, какъ съ государственной точки зрѣнія унизительно для самого верховнаго начала подобное выхватываніе у человѣка невзначай, въ минуту его слабости и почти невмѣняемости, того признанія своей преданности этому началу, которое имѣетъ для государства смыслъ лишь тогда, когда оно искренне, и въ торжественной формѣ присяги выражаетъ добровольное намѣреніе служить вѣрой и правдой,- не говоря объ этомъ, достаточно представить себѣ все дальнѣйшее душевное состояніе человѣка, такими пріемами заманеннаго въ военную службу, и подумать о томъ вліяніи, которое такой человѣкъ, продолжающій внутренно осуждать эту службу, неизбѣжно долженъ имѣть на своихъ товарищей, - для того, чтобы понять, какую ошибку съ точки зрѣнія своихъ же собственныхъ интересовъ дѣлаетъ правительство, подобными уловками привлекая въ военную службу такихъ людей, все внутреннее существо которыхъ возмущается противъ нея и отрицаетъ ея нравственную законность.

Всѣмъ извѣстны состоявшіеся прошлою весною отказы отъ военной службы цѣлой группы духоборцевъ, служившихъ солдатами на Кавказѣ; но, вслѣдствіе распространившихся совершенно превратныхъ свѣдѣній объ этомъ дѣлѣ, не всѣмъ извѣстна о немъ правда. Сообщенія, получаемыя высшими властями служебнымъ порядкомъ о побужденіяхъ и поступкахъ людей, провинившихся, подобно духоборцамъ, передъ государственными требованіями, всегда грѣшатъ односторонностью и пристрастіемъ преимущественно потому, что въ такихъ непредвидѣнныхъ случаяхъ мѣстныя власти часто дѣлаютъ промахи, которые впослѣдствіи они стремятся оправдать путемъ бо̀льшаго или меньшаго искаженія дѣйствительныхъ фактовъ.

Въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія переселенные на Кавказъ Императоромъ Николаемъ I за то, что по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ они отказывались отъ участія въ военной службѣ, и съ тѣхъ поръ, благодаря своей воздержной и трудолюбивой жизни, разбогатѣвъ матеріально, духоборцы съ тѣмъ вмѣстѣ ослабѣли въ исполненіи сознанныхъ ими религіозныхъ требованій и стали, когда этого опять потребовали отъ нихъ, поступать на военную

службу. Для того, чтобы вѣрно понимать ихъ теперешнее поведеніе, необхо - димо имѣть въ виду, что согласились они на военную службу единственно по мотивамъ корыстнымъ или малодушнымъ, такъ какъ во внутреннемъ сознаніи своемъ они никогда не отрекались отъ своихъ прежнихъ вѣрованій. Поэтому понятно, что малѣйшаго толчка было достаточно для того, чтобы, рано или поздно, вызвать въ нихъ сознаніе непослѣдовательности и вновь возбудить тотъ религіозный подъемъ духа, который побуждалъ ихъ отцовъ отказываться отъ считаемой ими грѣховной военной службы и терпѣть за это гоненіе. Это самое неизбѣжное возвращеніе духоборцевъ къ осуществленію въ жизни преж - нихъ своихъ нравственныхъ завѣтовъ и совершается теперь на нашихъ гла - захъ.

Нѣкоторые недоброжелатели духоборцевъ совершенно неосновательно ста - рались придать ихъ отказу отъ военной службы характеръ политическаго воз - станія. Но лучшимъ доказательствомъ того, что мотивы ихъ чисто религіоз - ные и не имѣютъ ни малѣйшаго оттѣнка возмущенія противъ властей, можетъ служить тотъ фактъ, что почти одновременно съ состоявшимися отказами нѣко- торыхъ духоборцевъ отъ продолженія военной службы, единовѣрцы ихъ, жившіе у себя дома, большими массами торжественно сожгли все свое оружіе, ясно этимъ обнаруживъ, что они положительно ни противъ кого не злоумышляютъ, и что рѣшились сознательно подвергнуть себя, свои семьи и свое имущество всѣмъ тѣмъ тяжелымъ въ мірскомъ отношеніи послѣдствіямъ, которыя, на Кав - казѣ въ особенности, могутъ вытекать изъ нежеланія прибѣгать къ борьбѣ и убійству для самозащиты. И потому нельзя не вѣрить чистотѣ мотивовъ, руко- водящихъ поведеніемъ такихъ людей.

Казалось бы, что въ виду какъ исключительныхъ условій, которыми со стороны ихъ традицій и воспитанія обставлены духоборцы, такъ и полнаго безкорыстія и миролюбія, которыми они проникнуты, было бы въ высшей сте - пени несправедливо и жестоко карать духоборцевъ за ихъ отказы отъ поступле- нія на военную службу или продолженія ея наравнѣ съ обыкновенными военными преступниками.

А между тѣмъ съ духоборцами такъ именно и поступили. Многихъ изъ нихъ приговорили къ заключенію въ дисциплинарный батальонъ, гдѣ они оказыва - ются какъ разъ въ томъ самомъ двусмысленномъ и безвыходномъ положеніи, въ которомъ находился Дрожжинъ, съ тѣмъ еще болѣе тяжкимъ условіемъ, что по - слѣдній по образовательному цензу былъ избавленъ отъ тѣлеснаго наказанія, тогда какъ они эму подвергаются. Сердце сжимается при мысли о томъ, какимъ страшнымъ и непрерывнымъ истязаніямъ должны подвергаться въ настоящую ми- нуту эти люди, если только они не отступятъ отъ того, что считаютъ для себя волею Бога; и еще большій ужасъ охватываетъ душу, когда подумаешь о той страшной степени безчеловѣчности и озвѣрѣлости, до которой доводятся тѣ несчастныя должностныя лица, которыя въ силу своего офиціальнаго поло-

женія оказываются ближайшими палачами этихъ мучениковъ.

Привожу отрывокъ изъ письма нѣкоторыхъ духоборцевъ, навѣстившихъ своихъ родственниковъ, заключенныхъ за отказъ отъ военной службы въ Екатеринославскомъ дисциплинарномъ батальонѣ. То, что здѣсь описано, относится къ первымъ днямъ пребыванія заключенныхъ въ батальонѣ.

".....Мы видѣли ихъ по разрѣшенію полковника, который спросилъ насъ: "откуда вы и зачѣмъ пріѣхали?" Мы сказали ему: "Изъ Тифлисской губерніи, пріѣхали посѣтить нашихъ братьевъ." Онъ сказалъ: "Со всѣми свиданіе не позволяется, только съ своими родственниками, и на малое время, не болѣе какъ на одинъ часъ." Свиданіе было стѣснительное; но все - таки, благодаря Господа Бога, мы могли узнать на счетъ ихъ жестокаго и немилосерднаго наказанія. Срѣзаютъ колючія розги по пяти и по шести штукъ въ одинъ пучекъ, и кладутъ въ растяжку, заходятъ по одному человѣку съ той и другой стороны, напоенные водкой, и приступаютъ, какъ разъяренные хищные звѣри, которые раздираютъ смирныхъ и кроткихъ овецъ. Сѣкутъ до тридцати ударовъ такъ больно, что вся колючка лѣзетъ въ мясо и рветъ его кусками; по окончаніи этого, сажаютъ въ одиночный холодный карцеръ на одни сутки, а вѣдь трудно сѣченому на морозѣ; на другой день выпускаютъ и даютъ имъ ружья, и ведутъ на маршировку. Они говорятъ, какъ христіане: "Мы не можемъ исполнять то, что противно заповѣди Божіей." Но ихъ, несмотря на ихъ отвѣтъ, начинаютъ больше бить и насиловать..... А мы съ вѣрой въ Господа Бога призываемъ Его: да будетъ воля Твоя надъ нами, Ты видишь, мы любимъ свѣтъ больше нежели тьму...."

Главная несправедливость и жестокость правительства, по отношенію къ людямъ, подобнымъ Дрожжину и духоборцамъ, не могущимъ по совѣсти участвовать въ военной службѣ, состоитъ въ томъ, что оно заключаетъ такихъ людей въ в о е н н ы я тюремныя учрежденія вмѣсто того, чтобы помѣщать ихъ въ г р а ж д а н с к і я тюрьмы, какъ съ юридической точки зрѣнія подобало бы поступать съ людьми, не повинующимися общему государственному закону.

Въ дисциплинарныхъ батальонахъ къ такимъ заключеннымъ не могутъ, безъ особаго распоряженія со стороны высшаго начальства, относиться иначе, какъ къ обыкновеннымъ нижнимъ чинамъ, изъ простой непокорности и упрямства уклоняющимся отъ исполненія требованій военной дисциплины. Поэтому, постоянно возобновляя по отношенію къ нимъ эти требованія, начальство дисциплинарныхъ батальоновъ волей неволей находится вынужденнымъ усматривать новое преступленіе въ каждомъ возобновляемомъ отказѣ этихъ людей отъ исполненія такихъ требованій, и должно каждый разъ приговаривать отказывающихъ-

гается къ новому, добавочному наказанію. А между тѣмъ для человѣка, при - знающаго военную службу противной своей совѣсти, и разъ отказавшагося отъ поступленія въ солдаты, всѣ дальнѣйшіе отказы отъ исполненія требованій военнаго начальства никакъ не могутъ по справедливости считаться все новы- ми и новыми преступленіями, ибо на самомъ дѣлѣ они являются для всякаго искренняго человѣка лишь неизбѣжными логическими послѣдствіями его перво - начальнаго отказа отъ военной службы вообще. А вѣдь за одно и то же пре - ступленіе даже самый строгій законъ признаетъ возможнымъ карать только одинъ разъ.

Если бы за отказъ отъ военной службы сажали провинившагося н е в ъ в о е н н у ю, а в ъ г р а ж д а н с к у ю тюрьму, то онъ дѣйствитель- но несъ бы ни болѣе, ни менѣе, какъ ту самую кару, которая была признана соотвѣтствующей его преступленію; и, отбывъ свой срокъ, онъ получалъ бы свободу наравнѣ со всякими другими преступниками. Заключеніе же человѣка, отказавшагося отъ военной службы, въ дисциплинарный батальонъ, обращая каждое его движеніе въ новое преступленіе, влекущее за собою новое нака - заніе, возводитъ первоначальный ограниченный срокъ его заключенія въ по - жизненный, сверхъ того, подвергая несчастнаго нескончаемому ряду жесточай- шихъ тѣлесныхъ наказаній и другихъ крайне строгихъ въ этихъ батальонахъ дисциплинарныхъ " взысканій.

Такая игра ставитъ отказывающихся отъ военной службы въ положеніе наиболѣе выгодное для наименѣе добросовѣстныхъ изъ нихъ, согласныхъ изъ опасенія худшаго наказанія внѣшне исполнять противное ихъ убѣжденіямъ , т. е. - лгать. Для наиболѣе же добросовѣстныхъ, не согласныхъ обманывать начальство и товарищей, и потому упорно отказывающихся отъ притворнаго ис- полненія солдатскихъ обязанностей, она обращается въ особенный видъ смерт- ной казни, отличающійся отъ обыкновеннаго только большею медлительностью и болѣе мучительными физическими страданіями.

Такая смертная казнь была совершена надъ Дрожжинымъ и другими молоды- ми людьми, находившимися въ подобномъ же положеніи; ей же въ настоящую ми- нуту подвергаются упомянутые духоборцы, равно какъ и тѣ отдѣльныя лично - сти, которыя за послѣднее время отказались отъ поступленія въ солдаты; и эта же участь, если только правительство не измѣнитъ своего образа дѣй - ствія, въ будущемъ предстоитъ каждому, чья совѣсть не позволитъ ему участ- вовать въ военной службѣ.

Какъ ни смотрѣть на убѣжденія такихъ людей, - какъ на жалкое заблужде- ніе, какъ на проявленіе умственнаго разстройства, или какъ на вѣрное пони- маніе истины, - во всякомъ случаѣ несомнѣнно то, что они искренно поступа- ютъ согласно своимъ убѣжденіямъ, всѣми силами стараясь согласовать съ ними свое поведеніе, и не только жертвуя ради этого всякими своими личными

интересами и выгодами, но совнательно подвергаясь самымъ ужаснымъ страданіямъ и даже смерти. Можно жалѣть такихъ людей, можно желать разубѣдить ихъ въ ихъ заблужденіяхъ, если считать ихъ убѣжденія таковыми; но пока они не поняли еще своего заблужденія, пока они внутренно продолжаютъ считать свои взгляды справедливыми, - никакой честный человѣкъ не можетъ желать и домогаться того, чтобы они, противно своей совѣсти, изъ одного страха передъ физическими страданіями, стали наружно исполнять то, что они внутренно считаютъ для себя грѣхомъ. И потому не только несправедливо, но и въ высшей степени безнравственно, помѣщать въ военныя исправительныя учрежденія и въ военныя тюрьмы людей, не могущихъ по чистой совѣсти исполнять военныя обязанности.

Подобное содержаніе этихъ людей въ военныхъ мѣстахъ заключенія представляетъ сверхъ того и крупную ошибку со стороны правительства по отношенію къ своимъ же собственнымъ интересамъ; ибо такою мѣрою этимъ людямъ предлагается на выборъ одинъ изъ двухъ только исходовъ: или, пожертвовавъ своей совѣстью, стать обманщиками; или же, жертвуя своей жизнью, быть мучениками за то, что они несогласны стать обманщиками.

А между тѣмъ въ обоихъ случаяхъ получаемые отъ этого результаты даже съ государственной точки зрѣнія крайне нежелательны.

Въ первомъ случаѣ, при насильственномъ принужденіи къ военной службѣ людей, считающихъ ее грѣхомъ, образуются воины лицемѣрные, на которыхъ въ критическую минуту разсчитывать нельзя, и неизбѣжно всюду распространяющіе вокругъ себя столь нежелательный духъ внѣшней, показной покорности начальству, при внутреннемъ отвращеніи къ военной службѣ и осужденіи ея.

Тотъ самый молодой человѣкъ, который, послѣ двухмѣсячнаго содержанія въ военномъ госпиталѣ для сумасшедшихъ за отказъ отъ присяги, уступилъ требованіямъ отца, на вопросъ главнаго доктора больницы, спросившаго его послѣ присяги: понялъ ли онъ теперь свое заблужденіе и отказался ли отъ него? - отвѣчалъ: "убѣжденія мои не могутъ измѣниться, а я солгалъ, присягая, и презираю себя за свою ложь."

Во второмъ случаѣ, при подверганіи строгимъ и мучительнымъ наказаніямъ людей, не могущихъ по совѣсти участвовать въ военной службѣ, получается вопіющая несправедливость, отталкивающая всякаго добросовѣстнаго человѣка, какова бы ни были его убѣжденія; и вмѣстѣ съ тѣмъ образуются мученики религіозной идеи, вездѣ и всегда больше всего остального способствующіе заразительности и дальнѣйшему распространенію той самой идеи, за которую они такъ самоотверженно страдаютъ.

Офицеры и нижніе чины дисциплинарныхъ батальоновъ нисколько не обезпечены больше другихъ людей отъ такого нежелательнаго съ правительственной точки зрѣнія вліянія; и если нравственно тупѣйшіе изъ нихъ и способны иногда ожесточаться противъ такихъ заключенныхъ, являющихся для нихъ представителями какихъ-то "сентиментальныхъ идей", и своею кротостью обличающихъ ихъ грубость и жестокость, то большинство военнослужащихъ, и притомъ наилучшая ихъ часть, - та самая, которая всегда руководитъ общественнымъ мнѣніемъ своей среды, - не можетъ не видѣть, что во всѣхъ вышеописанныхъ и имъ подобныхъ случаяхъ благородная роль остается не за мучителями, а за мучимыми.

И потому, не говоря уже о чувствѣ справедливости или человѣколюбія, въ однихъ интересахъ собственнаго престижа, правительству слѣдовало бы измѣнить свое отношеніе къ людямъ, изъ за религіозныхъ убѣжденій отказывающимся отъ военной службы.

Въ области государственныхъ взглядовъ нельзя не признать, не только нравственно просвѣщенными, но и крайне мудрыми слѣдующія соображенія Императора Александра I, выраженныя имъ въ его указахъ отъ 27 Ноября 1801 г. на имя Слободоукраинскаго губернатора и отъ 9 Декабря 1816 г. на имя Херсонскаго военнаго губернатора:

...."Разумомъ и опытами давно уже дознано, что умственныя заблужденія простого народа, преніями и нарядными увѣщаніями въ мысляхъ его углубляясь, единымъ забвеніемъ, добрымъ примѣромъ и терпимостью мало по малу изглаждаются и исчезаютъ. Вотъ правило, коего мѣстному начальству должно съ ними держаться... Не о новомъ переселеніи сихъ людей помышлять теперь надлежитъ, но объ огражденіи скорѣе ихъ самихъ отъ всѣхъ излишнихъ притязаній за разномысліе ихъ въ дѣлѣ спасенія и совѣсти, по коему ни принужденіе, ни стѣсненіе никогда участія имѣть не могутъ... Благоустроенное правительство ни въ какомъ случаѣ и ни съ кѣмъ такъ не поступаетъ, и церковь православная, сколь ни желала бы обратить сихъ отпадшихъ отъ нея чадъ къ себѣ, можетъ ли одобрить мѣры гоненія, толико противныя духу главы ея Христа Спасителя, оставившаго послѣдователямъ своимъ сіе достопамятное изреченіе: "аще бы бысте вѣдали, что есть милости хощу, а не жертвы, николи же убо бысте осуждали неповинныхъ?" Руководясь духомъ симъ, духомъ истиннаго христіанства, можно всего лучше успѣть въ достиженіи желаемой цѣли по сему предмету.... Отдаленіе сихъ людей отъ православной греко - россійской церкви есть, конечно, съ ихъ стороны заблужденіе, основанное на нѣкоторыхъ погрѣшительныхъ заключеніяхъ ихъ объ истинномъ богослуженіи и духѣ христіанства. Сіе происходитъ въ нихъ отъ недостатка въ просвѣщеніи, - ибо "ревность Божію имѣютъ, но не по разуму." Но просвѣщенному ли правительству христіанскому приличествуетъ заблудшихъ возвращать въ нѣдра церкви жестокими, суровыми средствами, истязаніями, ссылками и тому подобнымъ? Ученіе Спасителя міра, пришедшаго на землю взыскать и спасти погиб-

шаго, не можетъ внушаемо быть насиліемъ и казнями, не можетъ служить къ погибели спасаемаго, коего идутъ обратить на путь истины. Истинная вѣра порождается благодатію Господнею чрезъ убѣжденіе, поученіемъ, кротостію, добрыми примѣрами. Жестокость же не убѣждаетъ никогда, но паче ожесточаетъ. Всѣ мѣры строгости, истощенныя надъ духоборцами въ продолженіи тридцати лѣтъ до 1801 г. не только не истребили сей секты, но паче и паче пріумножили число послѣдователей ея...."

Но могутъ возразить, что при такомъ отношеніи къ отказывающимся отъ военной службы всѣ захотятъ избавиться отъ нея подъ предлогомъ религіозныхъ убѣжденій; а тогда не будетъ войска, и, слѣдовательно, всякій государственный строй станетъ невозможнымъ.

На это возраженіе, если продолжать разсматривать вопросъ съ правительственной точки зрѣнія, отвѣтъ состоитъ въ томъ, чтобы для людей, не могущихъ по совѣсти поступать въ военную службу, замѣнять эту службу, какъ это отчасти уже и дѣлалось правительствомъ, какой нибудь другой повинностью въ родѣ постройки зданій, устройства дорогъ, проведенія искусственнаго орошенія и всякихъ другихъ общественныхъ работъ, лишь бы они не были связаны, хотя бы и косвенно, ни съ военной, ни вообще съ какой либо насильнической дѣятельностью. Въ единичныхъ же случаяхъ отказовъ отъ военной службы, или при неудобствѣ организаціи спеціальныхъ для этой цѣли общественныхъ работъ, можно было бы назначать отказывающихся на подходящую должность въ какое - нибудь изъ уже существующихъ правительственныхъ учрежденій, въ родѣ служителей въ больницахъ, поѣздной прислуги на желѣзныхъ дорогахъ, работниковъ на заводахъ, или чего - либо подобнаго.

Въ случаѣ же, когда отказывающіеся отъ военной службы, считая государственные интересы вообще неразрывно связанными съ военнымъ дѣломъ, по этому самому не признаютъ себя въ правѣ въ какой бы то ни было формѣ служить государству или исполнять правительственныя требованія, правительство могло бы приговаривать такихъ людей къ отбытію опредѣленнаго срока тюремнаго заключенія въ гражданской тюрьмѣ, но отнюдь не въ военной, такъ какъ въ первомъ случаѣ, отбывъ свой срокъ, заключенный получалъ бы свободу, между тѣмъ какъ во второмъ онъ оказывался бы въ томъ самомъ безвыходномъ для себя и нежелательномъ для правительства положеніи, въ которомъ, какъ было указано, находятся подобные заключенные въ дисциплинарныхъ батальонахъ.

Для того, чтобы повинность или тюремное заключеніе, замѣняющее военную службу, не привлекало къ отказу отъ этой службы людей, побуждаемыхъ лѣнью, или другими эгоистическими интересами, достаточно было бы назначить

срокъ повинности или заключенія съ такимъ расчетомъ, чтобы тяжесть его нѣсколько превышала тяжесть того срока военной службы, который соотвѣтствуетъ семейному положенію и образовательному цензу отказывающагося.

Нѣтъ, конечно, никакой надобности разрабатывать здѣсь предлагаемую мѣру во всѣхъ ея подробностяхъ: для этого у правительства найдется достаточно компетентныхъ сотрудниковъ. Здѣсь важно только признать и подчеркнуть тотъ общій принципъ, что для людей, не могущихъ по совѣсти участвовать въ военной службѣ, правительству, въ своихъ же собственныхъ интересахъ, слѣдовало бы замѣнить эту службу другою повинностью или тюремнымъ заключеніемъ, соблюдая при этомъ упомянутыя условія, необходимыя для того, чтобы изъ отказывающихся не дѣлать мучениковъ, привлекающихъ другихъ людей къ своимъ нежелательнымъ для правительства убѣжденіямъ.

Приведеніе въ исполненіе правительствомъ подобной необходимой мѣры потребовало бы, конечно, нѣкотораго времени; а между тѣмъ слишкомъ тяжелое въ настоящую минуту положеніе страдальцевъ взываетъ о немедленномъ облегченіи. И потому необходимо было бы теперь же, не дожидаясь вступленія въ силу новой мѣры, внушить начальству дисциплинарныхъ батальоновъ и тѣхъ частей, въ которыхъ находятся такіе люди, чтобы оно, признавъ ихъ отказавшимися отъ военной службы, уже болѣе не старалось насильственно заставлять ихъ противъ своей совѣсти исполнять частныя требованія этой службы.

Въ дисциплинарныхъ батальонахъ можно было бы, во избѣжаніе нарушенія общаго теченія службы, отдѣлять ихъ, когда ихъ нѣсколько человѣкъ, отъ остальныхъ заключенныхъ въ особую палату; когда же случай единичный, то держать отказывающагося въ одиночномъ заключеніи. Находящихся въ распоряженіи начальниковъ отдѣльныхъ частей можно было бы назначать на нестроевыя должности; если же они стали бы отказываться даже и отъ такого участія въ военной службѣ, то подвергать ихъ тюремному заключенію, но непремѣнно на одинъ какой нибудь опредѣленный срокъ, признаваемый соотвѣтствующимъ ихъ отказу отъ военной службы.

Главное же то, чтобы за каждый новый отказъ отъ исполненія частныхъ служебныхъ требованій, неизбѣжно вытекающій изъ ихъ первоначальнаго отказа отъ военной службы вообще, они не подвергались все новымъ наказаніямъ и добавочному тюремному заключенію. Такая система сохраненія за ними одного первоначальнаго срока заключенія вполнѣ достигла бы главныхъ цѣлей, требуемыхъ правительственными интересами: всякая привлекательность положенія отказывающихся въ глазахъ остальныхъ военнослужащихъ была бы устранена; и вмѣстѣ съ тѣмъ ближайшее начальство было бы избавлено отъ тепе-
решней его нравственно мучительной, но вынужденной обязанности совершать

нескончаемый рядъ истязаній надъ людьми, слѣдующими требованіямъ своей совѣсти.

То обстоятельство, что нѣкоторые люди по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ отказываются отъ военной службы уже послѣ того, какъ въ теченіе извѣстнаго времени исправно исполняли ея требованія, - никакъ не должно служить къ болѣе жестокому обращенію съ ними, чѣмъ съ отказывающимися при самомъ призывѣ.

Все равно, отказывается ли солдатъ отъ продолженія военной службы вслѣдствіе того, что раньше, служа, онъ изъ малодушія кривилъ душою, или же вслѣдствіе того, что онъ впервые призналъ грѣховность для себя военной службы, - въ обоихъ случаяхъ онъ находится совершенно въ такомъ же душевномъ состояніи, какъ и новобранецъ, отказывающійся поступить на военную службу потому, что совѣсть ему ее запрещаетъ. Особенность этого общаго имъ душевнаго состоянія заключается въ томъ, что они не то, что н е х о т я т ъ , но психически н е м о г у т ъ добровольно и по совѣсти исполнять требованія военной службы. И потому какъ тотъ, такъ и другой заслуживаютъ со стороны правительства совершенно одинаковаго отношенія.

Будучи самъ глубоко убѣжденъ въ несовмѣстимости убійства съ христіанствомъ, я не только не могу считать нравственно законными какія бы то ни было, хотя бы и самыя смягченныя, преслѣдованія или наказанія, направленныя противъ людей, отказывающихся отъ военной службы, но считаю такія преслѣдованія и наказанія великимъ грѣхомъ. И потому, если читатель чѣмъ либо участвуетъ въ преслѣдованіи этихъ людей, виновныхъ только въ томъ, что они, слѣдуя ученію Христа, всѣмъ желаютъ добра и никого не хотятъ убивать, то я прежде всего обращаюсь къ нему, не какъ къ официальному правительственному лицу, но какъ братъ къ брату, обращаюсь къ его сердцу, къ его душѣ, умоляя его, во имя всего, что есть въ немъ Божескаго, воздержаться отъ этого страшнаго грѣха.

Если же читатель, стоя на другой точкѣ зрѣнія, не видитъ грѣховности военной службы, или, несмотря на грѣховность ея, признаетъ ее все - таки необходимой, то я обращаюсь къ его разсудку и гуманности, указывая на то, что, даже съ точки зрѣнія правительственныхъ интересовъ, мѣры, употребляемыя противъ отказывающихся отъ военной службы, не только не достигаютъ желаемыхъ результатовъ , но неизмѣнно производятъ обратное дѣйствіе. Если такой читатель по своимъ убѣжденіямъ или своему отношенію къ государству признаетъ необходимымъ преслѣдовать, какъ преступниковъ, людей за то, что они хотятъ быть добрыми и не дѣлать другимъ, чего себѣ не желаютъ, то онъ

всѣ - таки не можетъ не согласиться съ тѣмъ, что на такихъ людей, изъ за любви къ ближнему готовыхъ принять страшныя мученія и даже смерть, слѣ - дуетъ налагать нижайшую степень кары, какая только совмѣстима съ госу - дарственными интересами.

И потому всѣ лица, которыя, несмотря на очевидную какъ нравственную незаконность, такъ и практическую безполезность примѣняемыхъ въ настоящее время къ такимъ людямъ жестокихъ наказаній, дѣлаютъ распоряженія о наложе-ніи ихъ, или принимаютъ участіе въ исполненіи ихъ, - берутъ на себя тя - желую нравственную отвѣтственность, равно какъ и тѣ, кто, будучи въ со - стояніи своимъ словомъ хоть сколько нибудь повліять на смягченіе такого порядка вещей, - не дѣлаютъ этого.

Избави васъ Богъ, читатель, отъ такой отвѣтственности.

С.-Петербургъ.
20 Марта 1896 года.